

А.Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

Релятивистская теория наций и рефлексивная политика*

Национально-этнические общности "знают" о существовании друг друга и вступают друг с другом в сложнейшие отношения. Однако само это "знание" пришло не сразу, процесс "взаимного узнавания" национальных общностей есть достояние лишь XX века. Констатация этого факта является отправным пунктом релятивистской теории наций, основанной на тезисе о референтной природе каждой из наций, равно как и любой иной этнической группы, в современных условиях.

Дело не только в том, что принадлежность к нации ощущается через принадлежность к некоему "мы", противостоящему некоторым "они" [1]. Главный смысл релятивистской теории наций состоит в том, что у каждой национально-этнической группы имеется свой собственный круг национальных и этнических сообществ, с которыми идет постоянное психологическое сопоставление. Это сопоставление и составляет содержание национального самосознания, которое представляет собой ключевое понятие релятивистской теории наций. В известном смысле можно сказать, что русские обладали бы иным национальным самосознанием, если бы не было, например, немцев: Россия без Германии была бы, безусловно, иной страной. Возможно, что немцы были бы иной нацией, если бы не было русских.

Другой момент, связанный с идеей референтности национального самосознания, состоит в том, что в рамках каждого национального самосознания складывается своя собственная иерархия "значимых других". Наконец, важный вывод, следующий из признания референтного характера национального самосознания, состоит в признании его динамичности. Конечно, сохраняется базовый образ "иных наций", фиксированный в стереотипах¹, но эмоциональная составляющая этого образа оказывается весьма изменчивой.

Согласно указанной теории, в число приоритетных вопросов национальной политики не входят вопросы о том, что такое нация "на самом деле" и в чем состоят "подлинные национальные интересы" того или иного народа. Главную проблему релятивистская теория наций видит в том, *как создается образ нации в сознании данного сообщества и иных сообществ*. Нация или этническая группа представляет собой феномен кол-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ Яркие образцы подобных стереотипов дает художественная литература, например образ немца в России Гуго Карловича Пекторалиса в повести Н. Лескова "Железная воля". Более близкие сегодняшнему дню примеры стереотипизации русского национального характера можно найти в [2].

лективного сознания, если использовать терминологию Э. Дюркгейма [3]. Во многих отношениях понятие нации или этнической группы совпадает с понятием основного сообщества, в рамках которого осуществляется цикл жизнедеятельности индивида. Это социальное пространство, в котором он себя реализует с помощью средств культуры, предоставляемых ему данным сообществом. Как правило, представление о нации в сознании индивидуума становится благодаря этому обстоятельству сакральным, а следовательно, и неотрефлексированным. Более того, принадлежность к нации *придает смысл* индивидуальному существованию, поскольку нормальный человек стремится выйти за пределы своего "я" и соединиться духовно с некоторым "мы", в котором он проявляет себя и угасает.

Такой способ национальной самоидентификации определяется тем, что *индивид не выбирает нацию*. Она ему задана вместе с рождением, умением говорить и культурным ареалом, который определяет рамки его жизненного пути и общечеловеческие стандарты социализации. Национальное бытие проникает в индивидуальное сознание вместе с речью, с усвоением умения общаться с людьми. Индивид начинает говорить не на каком-то абстрактном языке и не на эсперанто, а на своем "родном" языке, овладение которым им не замечается. Только освоив свой язык и многие иные навыки поведения, он узнает о том, что есть люди, не понимающие его языка и язык которых недоступен его пониманию без специальных усилий и посредников. Свой язык он усваивает как некоторую природную данность, как умение дышать, ходить, удовлетворять естественные потребности. Отсюда и возникает *иллюзия естественной принадлежности к национальному целому и естественности самой нации*.

С точки зрения теории этничности язык важен и в том отношении, что он представляет собой своего рода культурную границу данного этноса или национальности. За пределы своей этничности в какой-то мере можно выйти, лишь освоив чужой язык. Первое соприкосновение с иной этничностью осуществляется тогда, когда мы впервые слышим чужую речь. Этот факт приводит к восприятию различий между "нами" и "ими". "Они" - прежде всего те, кто не понимает нашей речи и чья речь недоступна нашему пониманию. Это обстоятельство оказывается источником психологической напряженности, а порою и чувства опасности, возникающего естественным образом при соприкосновении с любым непонятным явлением.

Значимость национального чувства определяется прежде всего тем, что оно *формируется стихийно, непреднамеренно у каждого человека в процессе его социализации*. Кроме того, оно оказывается первым или одним из первых чувств, выявляющих социальную природу человека, его связь с некоторой общностью, выходящей за пределы его индивидуального существования. Наконец, национальное чувство и возникающее на его основе национальное самосознание оказываются своего рода ограничителями коммуникации: они фиксируют принадлежность человека к именно этой нации, а не к какой-либо другой. Лишь в редких случаях человек может ощущать себя дву- или полинациональным. (Заметим, что число таких людей в современном мире увеличивается.) В структуре индивидуальной психологии символика и код национального чувства *надстраиваются над этническим комплексом*, который восходит к незапамятным временам. В жизни далеких предков этот комплекс, несомненно, был связан с инстинктом самосохранения. Распространенный среди некоторых народов обычай кровной мести - своего рода социальное обрамление кровнородственного этнического чувства. По-видимому, именно здесь находится ключ к разгадке причин, объясняющих огромный энергетический заряд национальных эмоций, особенно в случаях возникновения угрозы и насилия. Здесь вступает в действие биопсихологический мотивационный ряд, обуславливающий автоматический переход от ощущения опасности к самообороне и агрессии.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что во многих этнонациональных группах и по сей день этническое чувство остается весьма слабо окультуренным воздействием современной цивилизации. Исключительность национально-этнического

эмоционального и психологического комплекса в условиях насильственной фазы этнического конфликта оборачивается *эксгуманизацией*: исключением врага или чужака из числа лиц, на которых распространяются нравственные нормы, действующие в пределах своей этнической группы.

В обычных ситуациях при контактах представителей разных этнонациональных групп между собой вступает в действие сложный комплекс эмоций амбивалентного характера: любопытство к иной культуре, доброжелательность и готовность взаимодействовать переплетаются с настороженностью и готовностью к защите. Впрочем, решающую роль как в индивидуальном, так и в социальном плане имеет в данном случае реальный опыт межнационального общения с его положительными и отрицательными моментами.

Всякое национальное самосознание включает в себя весьма сложные, нередко взаимоисключающие элементы, представляющие собой, с одной стороны, различные способы и структуры национальной самоидентификации, а с другой - разнообразные варианты восприятия и оценки иных национальных общностей. Иными словами, *в национальном самосознании "мы" постоянно соотносится с "они"*, и лишь через это соотношение национальные самоидентификации приобретают определенный смысл. Само по себе представление о том, что "мы - русские", "мы - немцы" и т.д., приобретает определенное мотивационное значение лишь благодаря тому, что за этим утверждением подразумевается существование "их", с которыми сознательно или бессознательно осуществляется сопоставление. При этом характер соотношения "мы" и "они" *не остается неизменным*. Во многом оно определяется реальными межнациональными связями и контактами. *Само существование данной нации, данного национально-го самосознания становится возможным благодаря существованию других наций*. В этом суть *релятивистского* подхода к нации, который противостоит различного рода объективистским интерпретациям этого феномена.

Этим обстоятельством во многом объясняются и сложности определения понятия "нация" и "национальный интерес", приводящие даже к предложениям исключить их из научной лексики. Но, на мой взгляд, дело не в том, чтобы отбрасывать само понятие нации и заменить его иным (скажем, понятием "этнос"), а в том, чтобы *не смешивать разные смыслы этого понятия* и различать по крайней мере *три уровня бытования национального самосознания*: уровень повседневности, уровень исторического бытия и текущей политики, чаще всего обращаясь к "историческому образу нации", и уровень идеологический, сосредоточивающийся на интерпретации "национального интереса" и "национальной безопасности".

При этом важно уяснить амбивалентную природу национальных чувств и идей, обнаруживающуюся на всех трех уровнях. Так, основные дилеммы национального самосознания применительно к нынешней российской политике состоят в следующих альтернативах: этнонационализм *versus* гражданственность; прорусские ориентации *versus* российские ориентации; изоляционистские тенденции *versus* глобалистские тенденции. Облик российской нации, занимающей достаточно прочное место в современном мире наций, определяется и в дальнейшем будет определяться тем, как именно разрешаются эти три дилеммы. В широком смысле *обеспечение движения национального самосознания в направлении второй позиции в каждой из перечисленных пар и есть содержание рефлексивной политики*.

Указанные альтернативы перекрещиваются и образуют сложную ткань современного этнополитического полицентрического пространства. Как правило, сосредоточение внимания на одном из обозначенных полюсов и означает соответствующий вариант крайности или обращение к националистическому или антинациональному радикализму, которые питают друг друга и наносят ущерб "государственным или национальным интересам" благодаря упрощению реальной ситуации.

Например, реальный парадокс современной политики состоит в следующем: чем меньший упор делается на национальную обособленность или особенность, тем полнее

включение в глобальные процессы и тем больше выигрыш для конкретной нации. И наоборот, чем сильнее акцентируется национальная идея, тем больше изоляция и тем очевиднее проигрыш в национальном масштабе. Выявленный парадокс заставляет искать новые подходы к анализу национальной политики и к проблеме взаимоотношения наций как внутри страны, так и на международной арене.

Особый вопрос теории наций, имеющий непосредственное практическое значение, состоит в уяснении *соотношений нации и государства*. Как известно, в современной специальной литературе сложились по меньшей мере два подхода в решении этого вопроса - "примордиалистский" и "модернистский"². Первый подход в большей степени распространен в российской обществоведческой литературе. Сталинское определение наций, проникшее в сознание нескольких поколений обществоведов, по сути, является его вариантом: нации - это объективно складывающиеся сообщества людей, которые имеют свои интересы.

Второй подход к пониманию наций более конструктивен в практическом смысле. Он возлагает ответственность за формулирование национальных интересов и "национальной идеи" на соответствующих политиков, которые не должны мистифицировать саму идею нации, и тем более национальных интересов, целостности государства и т.д. Однако в российской политике данный подход пока еще не нашел понимания и тем более адекватного применения. Об этом свидетельствует, в частности, "Концепция государственной национальной политики Российской Федерации", утвержденная специальным указом Президента от 15 июля 1996 года.

Однако предлагаемый мною подход к национальному вопросу идет еще дальше. Релятивистская теория наций предлагает рассматривать существующие ныне этнические и национальные сообщества в качестве *взаиморефлектирующих целостностей*. Релятивистский характер бытия национального самосознания сказывается на всех трех обозначенных выше уровнях: на уровне повседневной жизни, исторического бытия и политики, на уровне идеологических конфронтаций. Само существование данной нации, данного национального самосознания становится возможным благодаря существованию других наций.

Релятивистская теория наций распространяется не только на нации, но и на этносы, и благодаря этому позволяет по-новому подойти и к традиционному вопросу в отношении национального и этнического моментов в становлении сообществ. С ее позиций различие между этносом, потенциальной нацией и нацией не является принципиальным и существенным. Важнее оказывается феномен *национального самосознания и рефлексивного восприятия иных национальных сообществ*.

Важнейший элемент национального самосознания, который формируется на более высоком уровне развития соответствующих национально-этнических общностей, - представление о *национальных интересах*. Выявление их содержания и направленности есть результат идеологии и политики. Как правило, декларирование национальных интересов свидетельствует о достаточно сложной организации общественной жизни и о наличии слоя людей, которые могут брать на себя смелость говорить "от имени народа", опираясь на властные полномочия или претендуя на них. Сама по себе декларация относительно знания интересов означает, что сообщество, о котором идет речь, имеет несколько перспектив дальнейшего развития, выбор между которыми решается в ходе политической борьбы. Иными словами, как только кто-то берет на себя смелость эти интересы провозгласить, тотчас же образуется противоположный политический полюс, т.е. позиция, которая дает другое видение тех же самых "национальных интересов". Между этими полюсами формируется поле политики - пространство борьбы за власть, авторитет, влияние и поддержку [5]. Исход политического противостояния заключается в том, что именно победившая сторона получает возможность государственной интерпретации национальных интересов.

Релятивистская теория нации преодолевает крайности объективистской и субъекти-

² Характеристика этих двух подходов дана В. Тишковым [4].

вистской трактовки самого понятия нации и рассматривает нации не изолированно друг от друга, а в *контексте взаимных отношений и взаимного восприятия*. Нации, равно как и их интересы, - не абсолютно заданные величины, "константы, с которыми необходимо считаться". Они сами представляют собой меняющиеся общности, которые воспринимают друг друга по-разному в различных социально-политических контекстах. Это было проиллюстрировано данными общероссийского опроса, проведенного в 1995 году РНИС и НП³. В первую группу стран, вызывающих сегодня положительные эмоции у российского населения, входят Франция, США, Канада, Великобритания. За этой четверкой с небольшим отрывом (всего на 10 пунктов) следуют Германия и Япония. Это означает радикальное изменение в восприятии двух последних в сравнении с послевоенными годами. "Немцы" в глазах русских стали уже не теми "немцами", какими они были в 1941-1945 годах. Но и русские, как показывают наши данные, уже не те русские, какими они были в послевоенное время [6].

Практическая разница между объективистским и релятивистским подходами исключительно велика. Объективистское понимание нации всегда ищет *окончательное и "абсолютно правильное"* решение вопроса о национальных интересах и благодаря этому выступает основанием *конфронтационной политики*, ведущей к обострению конфликтов и к нагнетанию взаимных притязаний. Если политик *"твердо знает"* о неизменности и незыблемости национальных интересов, например России, Чечни, русского народа, немцев, американцев и других государственных и негосударственных этносов и наций, то он, руководствуясь этим знанием, *должен действовать на политическом поприще уверенно и жестко, не считаясь с тем фактом, что его оппонент или оппоненты имеют свой взгляд на ту же самую проблему, на ту же самую территорию, обоснованный столь же солидными научными изысканиями, как и его собственный взгляд на вещи*.

Релятивистская позиция начинается с *сомнения по поводу притязаний на любые истины в последней инстанции, касающиеся определения и формулировки национальных интересов*. Действительно, если национальные сообщества возникают лишь во взаимодействии с другими, то и вопрос о знании интересов любого данного сообщества должен быть подвергнут анализу именно с этой точки зрения. Следовательно, и обоснование национальной доктрины, включая доктрину национальной безопасности, надо строить, задавая себе вопрос: *не является ли само данное сообщество источником повышенной опасности для других народов и государств?* Во всяком случае необходимо понимать, что вопрос о национальной безопасности по меньшей мере обоюдоострый. Само нагнетание этой темы служит для соседних наций и государств некоторым признаком опасности.

Практический смысл выдвинутой концепции состоит в том, что, опираясь на нее, нет необходимости воевать за принципы и мифы национального самосознания. Она позволяет вести более гибкую национальную политику как внутри страны, так и во внешнеполитических связях. Обращаясь к конкурирующим на политическом поприще трактовкам "национальной идеи", релятивистская теория нации дает возможность *синтезировать наиболее ценное и значимое, добиться более высокого уровня взаимопонимания между политиками*, которые главным образом и заняты тем, что дают различные интерпретации национальным интересам и наполняют особым содержанием понятие "национальной идеи", которая в той или иной форме освящает национальное самосознание каждой из национально-этнических групп. Умение добиться синтеза наиболее важного и ценного в общегосударственном плане и названо здесь *рефлексивной политикой*, которая в современных условиях представляет собой единственный перспективный бастион, противостоящий силовой политике.

³ Опрос организован Центром социального прогнозирования и маркетинга РНИС и НП (директор Центра Ф.Э. Шереги).

По-видимому, именно на этих путях (на основе релятивистского понимания нации и рефлексивной политики) можно найти выход и из чеченского кризиса, который в настоящее время представляет собой болевую точку при ответе на вопрос: в чем же действительные интересы России и какой должна быть национальная идея с тем, чтобы она обнимала собой и объединяла народы, живущие на территории этой страны? Несомненно по крайней мере одно: не только русские, но и все россияне представляют собой *меняющиеся сообщества*. Важно, чтобы политика руководствовалась пониманием направленности этих изменений.

Исходная позиция формулирования самой идеи рефлексивной политики состоит в констатации тупиковости прежних линий политического действия и прежнего понимания самой политики. Главный общий момент в отживающем понимании политики в том, что она рассматривается как выражение некоторых "объективных" интересов. Но как выясняется, само притязание на "выражение объективных интересов" - классовых, национальных, народных - политиком или политической группировкой есть лишь общепринятый способ утверждения данного политика или данной группировки в "поле политики" или - шире - в политическом пространстве [7]. Это притязание вынуждает политическую партию к экскоммуникации - изгнанию политического оппонента с поля борьбы вплоть до его уничтожения, что и выражено известной максимой "если враг не сдается, его уничтожают". Сама вынужденность этого способа политического поведения обусловлена тем, что оппонент выступает в качестве претендента на выражение тех же самых интересов, а "два медведя не могут жить в одной берлоге" - такова другая максима, принятая в качестве исходной позиции прежним пониманием политики. Притязание на "выражение объективных интересов" предполагает победу сильной стороны в борьбе за доминирование на политическом поле и исключительность в использовании механизмов власти в интересах группировки, одержавшей в данный момент верх.

Третья максима силовой политики - а в этом и заключается определяющее качество тупиковой линии политического действия - состоит в формуле "победителей не судят". Тот, кто одержал верх в политической борьбе, оказывается правым: именно он получает возможность формулировать идею общего интереса и с этих позиций переписывать ход истории и давать "правильные" оценки текущих политических событий.

Наконец, следует остановиться и на четвертой максиме традиционной политики: "политика - грязное дело". В более мягкой и теоретизированной форме смысл ее в допущении и оправдании бесчеловечности, в представлении морали и политики как абсолютно независимых сфер деятельности. Ошибка здесь в том, что если политика может и должна выступать в виде особой сферы деятельности, то мораль в качестве таковой не выступает. Нравственное начало проникает в политику через нравственный капитал - часть или вид символического капитала (со знаками "плюс" или "минус"), которым в той или иной мере обладают участники игры на поле политики. Политика не может освободиться от этого капитала, если она преследует долгосрочные перспективы: обман, ложь, насилие и лицемерие, применение двойных стандартов, дезинформация оппонента, наконец, террор - все это средства из арсенала силовой политики, ориентирующейся на действие в замкнутом пространстве тех критериев и оценок политического действия, которые исходят от сиюминутного соотношения властных позиций. Но любая сиюминутная ситуация преходяща. Рефлексивная политика связывает проблему выбора средств политического действия с *приоритетами коммуникативной рациональности* [8, 9], а тем самым с выходом за пределы каждого конкретного момента.

Концепция и практика силовой политики терпит крах из-за многих обстоятельств. Главное из них - *исчерпание возможностей применения насилия в глобальном конфликте*. После падения СССР и разрушения биполярной системы современный мир перешел в новое качественное состояние, которое характеризуется возникновением отчетливой тенденции к созданию мировых центров власти. Теперь конфликт разво-

рачивается не в биполярном режиме, а в многополюсном варианте. При этом главной ставкой политической игры на международном уровне выступает доля участия в решении общемировых дел, а не доминирование одной стороны или даже одной группы стран в мировом политическом пространстве.

В реальном разворачивании конфликта - как биполярного, так и многополюсного - более важными оказываются *средства борьбы*, нежели цели и принципы, провозглашаемые сторонами. Именно средства - материальные ресурсы взаимного уничтожения - содержат в себе угрозу существования сторон. Отсюда следует необходимость "рефлексивного целеполагания" как первого исходного момента рефлексивной - несиловой - политики. Необходимо представить себе не только свои собственные цели и ресурсы, вовлекаемые в их возможное достижение, но и цели и ресурсы противника или оппонента. Уже на этапе целеполагания необходимо рассматривать те средства, которые будут использованы в конфликте как с той, так и с другой стороны, и осмыслить ущерб, который будет нанесен собственным интересам в конфликте сторон.

Мыслительная деятельность такого рода и есть рефлексия по поводу политики. Она означает прежде всего осознание субъектом политического действия самого себя как "актора", не только провозглашающего "правильные цели" (в виде, например, достижения идеала справедливости или осуществления "национальной идеи"), но избирающего определенные средства с учетом способа целеполагания и избрания средств действия со стороны оппонента. Столкновение средств, выходящих из-под контроля целеполагающей процедуры, - вот суть развертывания современных конфликтов, в том числе и тех из них, которые развивались на почве защиты национальных интересов и идеалов [10]. В этом исток ситуации абсурдности и иррациональности в современных межэтнических конфликтах.

Рефлексивная политика ориентирует на осторожность при выборе средств борьбы и декларирует аналитический подход к целеполагающим категориям. Сама идея демократии в российском обществе, как когда-то идея социалистической революции, оказалась мобилизационной идеей, способствовавшей выходу на авансцену политики новых российских элитных групп. Практика демократизации пришла в противоречие с идеей в тот момент, когда средством удержания власти стало насилие. Демократия перестает быть таковой как только она превращает насилие в необходимое орудие достижения властных целей, ибо насилие, будучи примененным однажды, само становится средством целеполагания: оно стремится к воспроизводству все в более широких масштабах [11].

Прекращение эскалации насилия возможно лишь на основе рефлексивной политики, строящейся на согласии по поводу приоритета демократических ценностей, определяемых по-новому с каждым новым поворотом политической ситуации. Поэтому российскому обществу - особенно в свете преодоления последствий чеченского кризиса - предстоит еще раз осмыслить нормативное и ценностное содержание демократии, сопоставляя это содержание с разнообразными политическими практиками. Важно, чтобы движение к авторитаризму не оказалось более привлекательным для граждан, чем защита демократии, при условии, что последняя не продуцирует войну и насилие в качестве своих постоянных атрибутов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.
2. Немцы о русских. М., 1995.
3. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
4. *Тишков В.А.* Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума РАН 23 февраля 1993 г. М., 1993.
5. *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис "классов" // Вопросы социологии. 1992. Вып. 1.
6. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации. М., 1996.

7. *Канонов Ю.Л.* Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.
8. *Здравомыслов А.Г.* Рациональность и властные отношения // Вопросы социологии. 1996. № 6.
9. Рациональность и власть. М, 1996.
10. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. М., 1996.
11. *Карпинский Л.В.* Боевой залп в честь Конституции // *Карпинский Л., Писигин В.* Заповедник для динозавров. М., 1996.

© А. Здравомыслов, 1997